

Наталия Никольская

Город
духов

Наталия Никольская

Город духов

<https://litres.ru/73960608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Егор, устав от жизни, сбежал в Бонч-Бруевич - маленький затерянный среди скал город, в котором никогда ничего не происходит. Разве что турист-горнолыжник сломает ногу, или на местном предприятии кого-нибудь лишат премии. Парень надеялся на спокойных отдых, но вместо этого на каждом шагу ему стали попадаться странные люди - то потомственная ведьма, то сектанты, то сам Смерть. Теперь с уединённым отпуском можно прощаться, но не сказать, что Егору это не нравится.

Содержание

Глава 1. Белый автобус	4
Глава 2. Гамлет, принц Датский	11
Глава 3. Смерть и белый кролик	26

Наталия Никольская

Город духов

Глава 1. Белый автобус

Помню, как впервые приехал сюда. В этот затерянный среди скал городок. Была зима. Здесь вообще почти всегда зима. Лишь изредка солнце прогревает землю и вместо снега из земли вырастает низкая белёсая трава.

Я бежал. Бежал от своей серой бессмысленной жизни. Потёртый автобус вёз меня из оживлённого райцентра наверх через бескрайние горы Хайхаг, в маленький городок, в котором никогда ничего не происходило. По крайней мере, я об этом не слышал.

За окном холодного салона завывала вьюга. Я ёжился в тонкой осенней куртке, которую забыл переодеть с наступлением зимы. Всё происходило как будто во сне, который никак заканчивался, а я ничего не мог с этим поделать.

Пожилая кондукторша в ярко-оранжевом жилете проковыляла к моему месту.

– Докуда едете? – добродушно спросила она скрипучим старческим голосом.

– До Бонч-Бруевича. – я протянул ей пару звенящих монет. Давненько не держал их в руках – в моём родном городе

все пользовались специальной картой.

– Без сдачи?

Я кивнул. Старушка улыбнулась и ушла к другим пассажирам.

Автобус бесшумно остановился посреди пустынной дороги. Сквозь снежный туман за окном проглядывало большое белое поле. Раздался громкий скрежет и старые двери с наугой распахнулись. Вошла высокая женщина за семьдесят с густо накрашенными вишнёвыми губами, кокетливой родинкой на щеках, в пушистой мешковатой шапке и пальто. Точь-в-точь та самая балерина на пенсии, которых так часто показывают по телевизору. Новоприбывшая уселась на пустое место рядом со мной и стала весело переговариваться о чём-то с пассажирами на задних сиденьях.

Это раздражало. Я как смог закутался в куртку, чтобы ничего не слышать, прислонился к ледяному стеклу и начал засыпать. Автобус вздохнул и снова повёз меня в таинственный городок. Он напоминал старого белого оленя, тащащего на спине такого же старого человека.

– Вы так замёрзнете. – потрясла меня за плечо моя соседка.

Я через силу что-то промычал. Щека уже начала неметь.

– А вы куда едете? – спросила женщина высоким сильным голосом. Ни дать ни взять бывшая певица или поэтесса.

– В Бонч-Бруевич. – ответил я с неохотой.

– Да? Как интересно! Я тоже туда еду. – воскликнула пен-

сионерка, и её вишнёвые губы расплылись в широкой улыбке.

Я ничего не ответил и обессиленно упал обратно на стекло. Женщина, видимо, поняла намёк и снова обернулась к подругам. Я заснул, забыв и про автобус, и про холод, и про слишком разговорчивых соседок. Во сне мне виделся только тягучий синий свет.

Кто-то легко тряс меня за плечо, вырывая из-под одеяла сна. Я открыл глаза. Рядом стояла кондукторша.

-Конечная. – сказала она.

Я поблагодарил её и поднялся. По ощущениям тело напоминало вяленый кусок мяса. В голове гудело. Удивительно, но щека вроде не обморозилась. Что же, мне повезло. На негнущихся ногах я дошёл до дверей и вышел на маленькую круглую площадь, со всех сторон окружённую яркими сталинками. Отсюда просматривался весь город, расположившийся на горных склонах. Я как будто бы стоял на дне большого блюда, украшенного узором из домов.

Смеркалось. Мелкий снег жёг глаза. Щурясь, я открыл карту на телефоне, чтобы понять, где находится моя квартира. Идти оказалось не так долго – всего восемнадцать минут. Быстрым шагом я направился в нужную сторону, стараясь не поскользнуться по дороге и то и дело натываясь на лестницы, сетью связывавшие весь город. Уже через десяток домов нарядные сталинки кончились и вместо них потянулись серые унылые хрущёвки, как хищные птицы, нависавшие над

головой. Прямо как дома. По обеим сторонам дороги меня от домов защищали сугробы, больше похожие на крепостные стены, чем простые кучи снега.

Ноги жгло холодом и подниматься в гору оказалось ужасно тяжело. С каждым новым подъёмом по лестнице я шёл всё медленнее и медленнее. Тонкая осенняя куртка быстро сдалась ветру вслед за джинсами, и в груди появилась подзрительная боль. Лицо замерзло, дышать стало тяжело. Казалось, мне уже не выбраться из этого лабиринта сугробов.

Навстречу, как призраки в тумане, шли приехавшие на курорт туристы-горнолыжники в ярких и дорогих одеждах. Все как один бодрые и счастливые, несмотря на погоду. В руках каждый нёс лыжи и пару ботинок. Видимо, возвращались с курорта. «Значит, выход всё-таки есть» – подумал я, глядя на их отвратительно весёлые лица.

Пару раз посреди туристов мелькнули местные жители в широких чёрных пуховиках и шубах. Похожие на нахохлившихся птиц, они спешили куда-то по своим делам. Наверное, и среди туристов, и среди местных я выглядел белой вороной. Ну и ладно.

Наконец навигатор сказал, что я на месте. Как раз вовремя, ведь из-за холода телефон почти разрядился. Я поднял взгляд. Надо мной высилась ободранная и заброшенная на вид хрущёвка. Казалось, что она подпирает собой тёмное тяжёлое небо. Выше неё даже гор как будто бы не было.

После панельки начинался редкий лесок и резкий спуск,

по которому можно было прийти до горнолыжного подъёмника. Оттуда и тянулись туристы.

Последний дом в городе. В каком-то смысле символично. Я подошёл к нужной парадной, на которой единственной ещё сохранилась зелёная краска, слетевшая со всего остального фасада, и набрал код. Послышалась звонкая мелодия и железная дверь с хлопком отошла. Я вошёл в парадную, выкрашенную дешёвой голубой краской. Наверх уходила жуткая старая лестница, освещённая маленькими белыми лампами. Я ненавижу парадные.

Но моя квартира располагалась на третьем этаже, и лестницы было не избежать. Я вздохнул и поскорее проскочил необходимые лестничные пролёты, пока не оказался перед чёрной железной дверью. На ней висел кодовый замок. Немного повозившись с ним, я вошёл внутрь.

Меня сразу обдало теплом и запахом нежилого помещения. Я оказался в светлой современной прихожей, казавшейся инородным телом в задрюпанной хрущёвке. В квартире, снятой мною на месяц, кроме этой комнаты были сушилка, ванная с туалетом, кухня, спальня и гостиная с двумя раскладными диванами. Чувствовалось, что недавно здесь сделали модный ремонт специально для туристов.

Что же, я повесил куртку и джинсы сушиться, а сам упал на двуспальную кровать и, даже не расстилая её, мгновенно заснул. В темноте мне виделись только белые хлопья снега, сыпавшиеся на землю.

Кто-то настойчиво трезвонил в дверь. Я открыл глаза и с неохотой поднялся. Какой раз за день меня уже будили? «Наверняка это хозяин квартиры зашёл всё проверить» – решил я и посмотрел на круглые офисные часы. Стрелка стояла на цифре десять. Поспать получилось всего четыре часа. Не включая свет в коридоре, я добрался до прихожей и открыл дверь. В проёме стояла моя автобусная соседка.

– Ой, здравствуйте! – жизнерадостно воскликнула женщина, прежде чем я успел хоть что-то сказать.

– Добрый вечер. – кисло ответил я.

– А я здесь на пятом этаже живу, представляете?

– Здорово. – неискренне поздравил я.

– Вы тут надолго? – спросила женщина.

– На месяц.

– Как интересно! – не знамо чему обрадовалась пенсионерка. – Щека не болит?

– Нет. – ответил я, надеясь, что соседка наконец-то уйдёт.

– Отлично, а то я уж боялась, что вы заболете. Что же это вы налегке приехали? Как жить будете?

Я пожал плечами. Женщина и не думала уходить. И зачем вообще пришла? Не знала же она, что я здесь.

– Хотите, я вам тёплую одежду одолжу? – продолжала говорить соседка.

– Нет, спасибо. Я лучше куплю.

– Да? Знаете, покупайте в «Горяночке» – туда все местные ходят. Там же и галантерея, и продуктовый. Это возле озера.

– Спасибо, зайду. – поблагодарил я. – Что-то ещё?

– Ой, да нет конечно. – отмахнулась женщина. – Я просто познакомиться пришла. Вы заходите ко мне как-нибудь, ладно? Я вам и чайку налью, и погадаю. Я же потомственная ведьма. – гордо сказала она.

Я дежурно улыбнулся. Потомственных ведьм мне подалось много. Все они обещали счастливую и интересную жизнь.

– Как-нибудь зайду, спасибо. – сказал я и стал прощаться со странной соседкой.

– Да, до свидания. – ответила женщина. – Кстати, вы же здесь не на курорт, да? Почаще говорите с местными, здесь интересный народ ходит. А меня Людмилой Игнатовной зовут. – добавила соседка, развернулась и стала бодро подниматься по лестнице, цокая каблуками.

Я проводил её взглядом и закрыл дверь. И откуда эта Людмила Игнатовна вообще узнала о том, где я живу? Хотя, может, она просто за мной от автобуса шла, а сейчас вот решила познакомиться с новым соседом. Решив выкинуть этот случай из головы, я отправился обратно в постель.

Глава 2. Гамлет, принц Датский

На следующий день я почувствовал себя немного лучше. В десять утра я встал с так и не расстеленной кровати и облокотился на подоконник. Батарея под ним приятно грела ноги. На улице стояла прекрасная погода. Солнце слепило глаза, отражаясь от окон соседней хрущёвки. Краска на ней не до конца облупилась и было видно, что раньше панелька была ярко-оранжевого цвета. Огромный сугроб похоронил под собой первые два этажа дома. «Интересно, как там живут люди? Может, они прорыли туннель и бродят где-то под снегом?» – подумал я, отходя от окна.

Есть хотелось нестерпимо, но у меня ничего с собой не было. Как и сказала Людмила Игнатовна, приехал я налегке. Телефон, зарядка и наушники – вот и всё моё добро. Некогда мне было собираться. Да и сил на это тоже не было.

Правда, теперь пришлось идти в магазин – и за едой, и за вещами. Да и просто осмотреться в городе было бы неплохо – непросто так ведь я сюда столько времени добирался. «Надеюсь, здесь будет лучше, чем в Петербурге» – вздохнул я, заходя в сушилку.

От одежды пахло мокрым снегом. Глухой, но очень приятный запах. Я натянул горячие после сушки джинсы и накинул куртку. Синтетический пух в ней совсем сбился. Сколько я её уже носил? Лет пять?

Надев кроссовки, я вышел на лестничную площадку. Как и во всех подобных местах, здесь пахло пылью. Я терпеть не мог парадные. Лагерные страшилки слишком сильно влияют на неокрепшие детские мозги, прививая дурацкие страхи. Ссыпавшись по лестнице, я выбежал на улицу.

Над головой высилось пронзительное синее небо. Я глубоко вдохнул холодного горного воздуха. В горло будто нож забили, зато внутри стало чуть легче. Было чуть теплее, чем вчера, по крайней мере, ноги сразу не немели. Так что пока куртка ещё держала хоть какое-то тепло, я поспешил к городскому озеру через сугробный лабиринт.

Слева от дороги, на двух больших бочкообразных мусорках лежала здоровенная чёрная собака. Пёс неотрывно глядел на меня круглыми жёлтыми глазами и не издавал ни звука. Мне стало жутко. Нормальная собака ведь должна хоть как-то шевелиться, да? Я огляделся. Никого. Стараясь не отрывать взгляда от животного, я стал медленно обходить мусорные баки. Зверь поворачивал грязную морду вслед за мной, будто желая загипнотизировать меня. Наконец дойдя до лестницы позади мусорок, я выбежал на проспект и скрылся от жуткой собаки, пообещав себе впредь лучше оценивать уличную обстановку. Лучше уж быть параноиком, чем бешеным.

Остановившись, я огляделся. На хрущёвке рядом красовалась зелёная вывеска «Fix Price» – дешёвого магазина дешёвого качества. Я почувствовал, что дико замёрз и решил

зайти туда погреться.

Внутри царил привычный для этого места развал. Товары на полках лежали в кучу, и покупателям приходилось в них копаться, чтобы достать желаемое. Всё выглядело неправильным и доставляло какое-то болезненное мазохистское удовольствие. Пройдя мимо вырвиглазных игрушек к маленькому шкафчику с книгами, я остановился и также в свою очередь принялся копаться на полке.

– Ты читал Гамлета?

Я вздрогнул. Возле меня стояла и развязно улыбалась девушка с раскраской в руках. На ней были чёрные джинсы и волнистый пуховик, а из-под простой розовой шапки выглядывали чёрные кудряшки с одним голубым локоном.

– Нет. – растерянно ответил я девушке.

– Почитай. Отличная комедия. – ответила она.

– Разве это не трагедия? – удивился я.

– Да там из трагедии только концовка.

Я помолчал, думая, причём здесь вообще Гамлет – на полке такой книги не стояло.

– Ты это, надолго к нам? – спросила девушка, перехватывая поудобнее объёмную раскраску.

– На месяц. – ответил я. – А что, прям заметно, что я не из Бонч-Бруевича?

– Ха! – усмехнулась девушка, сверкая белоснежными зубами. – Конечно заметно. Ты ведь не горнолыжник, да?

– Ага.

– Прикол. Меня Настей зовут. – представилась девушка.

– Понятно.

– А ты кто?

– Егор.

– Концептуальное имя. Откуда приехал?

– Из Санкт-Петербурга.

– Клёвый город, я там училась. А теперь тут на заводе работаю. Ладно, мне как раз пора туда. Так что давай! Ещё встретимся. – сказала Настя и направилась к кассе, резко обрывая странный разговор. – Отличные шмотки у тебя, кстати.

– Эм... Спасибо. – сказал я ей в спину, и Настя, не оборачиваясь, помахала мне рукой.

Я слабо улыбнулся. Интересно, в Бонч-Бруевиче все такие общительные? Слишком много разговаривать не входило в мои планы. Но Настя – приятная девушка. Было бы неплохо с ней действительно ещё раз встретиться.

Я проследил, как Настя оплачивает раскраску и выходит на улицу, а после слегка расстроенным вернулся к книгам. Среди любовных романов и детских рассказов откопал какой-то детектив.

«Норвегия. Молодая женщина найдена на берегу реки мёртвой. Полиция считает, что это самоубийство, но сыщик Уле считает иначе. Но как найти убийцу, если поискам мешают таинственные люди в чёрном и собственные проблемы?»

«Типичный детектив» – подумал я. – «Сойдёт. Чем Бонч-Бруевич не Норвегия?»

С книгой подмышкой я подошёл к кассе. На меня снова навалилась усталость. Такое часто бывает – в последнее время мне стало слишком тяжело общаться с людьми. Даже такими приятными как Настя. Я расплатился с дежурно улыбающейся продавщицей и без всякого желания вернулся на улицу.

Мимо по тротуару прошла группа детсадовцев с воспитательницей. Точь-в-точь как в советском фильме. В Петербурге такого уже почти и не встретишь.

Я проводил процессию взглядом и поплёлся к озеру, начиная снова замерзать. На самом деле, мне уже хотелось вернуться домой и снова заснуть. Но вчерашний разговор с Людмилой Игнатовной, волшебным образом застрявший в голове, заставлял меня передвигать ноги. «Может, эта женщина и впрямь была ведьмой». – подумал я.

Солнечный свет резал глаза, отражаясь от маленького квадратного озера. Пара детей каталась здесь на коньках, звонко рассекая по льду. По берегам стояли резные лавки и фонари, на которых висела забытая новогодняя гирлянда.

На другой стороне озера стоял, больше похожий на золотой дворец, сталинский Дом культуры, перед которым, погребённая под снегом, расположилась большая площадь с памятником Ленину посередине. На моей же стороне стоял серый ларёк продуктовой сети.

Я прошёл в грязный зал магазина. Стараясь не глядеть на покупателей, взял бутылку первого попавшегося молока, колбасу и пару коробок лапши быстрого приготовления. Всё остальное казалось просто отвратительным и вызывало тошноту. Цены здесь кусались, но что поделать – Север.

Выйдя из магазина с палкой колбасы во рту, я направился к трём одинаковым брежневкам, построенным на левом берегу озера.

На их торцах, обращённых к озеру, красовались граффити. На ближайшем доме белая как снег девушка в платье местного народа хайха утопала во мху. Красивая картина – загадочная, радостная. Такую в Петербурге бы давно замазали. На двух других брежневках тоже были рисунки: на одной – странные птицы с человеческими головами, толи Сирин, толи ещё кто, а на другой – горы Хайхаг. Собственно, что ещё здесь могло быть нарисовано? Разве что птицы не к месту. Хотя, может, такой фольклор был у хайха.

В доме с птицами на первом этаже друг к другу прижимались невзрачные магазинчики. Всё, как и сказала Людмила Игнатовна – здесь были и галантерея, и инструменты, и аптека, и даже цветы. Ни одного сетевого магазина – они спрятались в торговом центре на краю города. Ну и слава богу – своей стерильностью они всегда наводили жуткую тоску.

В самом углу, плотно зажатый между ремонтом техники и тканями, ютился магазинчик одежды. Над крыльцом гордо сияла большими красными буквами надпись «Горяночка».

Магазин выглядел подозрительно маленьким. Но вряд ли такая женщина, как Людмила Игнатовна, посоветовала бы что-то не то, поэтому я уверенно зашёл внутрь, выкинув в рядом стоящую мусорку плёнку от съеденной колбасы.

В магазине везде пахло птицами. Причём так сильно, словно это был зоопарк. Все стены розовой комнатки четыре на четыре были будто пропитаны этим резким запахом. Я в ступоре остановился. Но не только из-за вони. Все поверхности здесь были увешаны и уставлены странными амулетами из веточек, камней и перьев. Тут и там красовались зелёные треугольники и круги. Выглядел магазинчик как логово сектантов. Я огляделся. Здесь были только пустая касса, примерочная и маленькая стойка для одежды, на которой одиноко висел волнистый пуховик, крайне похожий на тот, что носила Настя. Похоже, местные действительно здесь закупались. Но местечко, конечно, было то ещё – для «потомственной ведьмы» в самый раз.

– Что-то ищите? – вынырнула из ниоткуда высокая бледная женщина с тонкими губами, похожими на щель, и огромным орлиным носом. Продавщица, а это она и была, куталась в какой-то мешок, который наверняка должен был представлять собой синее платье. Вкупе с птичьим запахом вокруг женщина походила на огромную ворону.

– Да, мне нужна тёплая одежда. – ответил я, пытаюсь не смотреть в чёрные немигающие глаза.

Женщина кивнула и убежала в хозяйственное помещение,

широко и резко передвигая костлявые ноги. Вернулась она через минуту с целым ворохом вещей.

– Куртка, шапка, свитер, штаны утеплённые, перчатки, термобельё, футболки и нижнее бельё. Всё, что вам нужно. – перебрала кучу женщина сухими когтистыми пальцами.

Я не совсем понимал, что происходит и где я оказался. Откуда эта жуткая женщина знала, зачем я пришёл? Хотя, может, это с опытом приходит. Но её внешность и все эти странные украшения... «Нет, мне кажется». – решил я. – «Мне постоянно что-то кажется».

Из подсобки вышел тощий мужчина, закутанный в какой-то бардовый халат и как две капли воды похожий на продавщицу. Ни говоря ни слова, он протянул мне пару хороших зимних ботинок.

Продавщица перехватила ботинки, и, мужчина, никак не среагировав, молча ушёл. Всё это было более чем странно.

– Идите в примерочную, а потом оплачивайте. – обратилась женщина ко мне.

Я молчал и медлил, желая поскорее убраться отсюда. Продавщица выглядела слишком неестественно. У неё как будто бы вообще не было эмоций. Каждое предложение она выговаривала как робот, автоматически открывая и закрывая свой широкий рот. И двигалась она какими-то птичьими рывками.

– Извините, но я, пожалуй, пойду. – сказал я, но тут женщина резко вцепилась в мою руку и с недюжинной силой за-

тащила меня в примерочную, закинув следом одежду.

На меня чёрными глазками смотрел засушенный воробей, повешенный на стене. Это было уже что-то совсем ненормальное. Я понял, что отсюда у меня был один выход – купить всё, что мне тут дали и надеяться, что одежду эти психи – а это наверняка были они, потому что ни один нормальный человек не обвешает свой магазин всеми этими амулетами – не сняли с трупов. Как можно быстрее, стараясь не обращать внимания на укоряюще глядящий птичий трупик, я натянул термобельё, сменил свою старую серую футболку на новую пятнистую, поверх надел коричневый свитер и чёрный пуховик, на ноги – тёплые штаны и ботинки. Удивительно, но всё сидело идеально, у продавщицы точно был большой опыт.

Оставшуюся одежду, и свою, и из магазина, я сложил в пакет с продуктами и вышел из примерочной.

Женщина уже стояла у прилавка и явно чего-то ждала.

– Оплачивайте. – бесцветным голосом сказала она.

Я посмотрел на терминал. Цена явно была слишком маленькой.

– Я все вещи беру. – глупо сказал я, думая, что тут какая-то ошибка.

– Оплачивайте. – повторила женщина, даже не двинувшись, чтобы проверить цену.

«И зачем я это сказал?» – нервно подумал я. – «Не хватало ещё спорить с сектантами. Мало ли, что у них здесь за политика». Я молча заплатил и вылетел из магазина, пообещав

себе, что больше ни ногой туда не сунусь.

«Странный городок. То потомственные ведьмы, то вот это. Наверняка Людмила Игнатовна послала меня к единомышленникам» – решил я и медленно пошёл в свою квартиру. В тёплой куртке и с колбасой в желудке жить стало не особо приятнее. Сил смотреть на отвратительно улыбающихся людей после посещения «Горяночки» совсем не осталось. Тяжёлый пакет оттягивал руку. Хотелось просто вернуться домой и закрыться от всех.

Где-то посреди дороги я вдруг увидел парня – моего ровесника, одетого в броскую чёрную кожанку и джинсы. Выглядел его наряд хоть и круто, но даже моя старая одежда и то была теплее. У незнакомца были совершенно седые волосы и такие же седые глаза. Ещё один странный житель Бонч-Бруевича. Он озирался вокруг и явно не понимал, где находится.

– Эй, с тобой всё нормально? – подошёл я к нему.

– Что? – испуганно спросил парень, оборачиваясь ко мне. От его совершенно потерянного взгляда меня неожиданно бросило в дрожь. Не хотелось даже думать, что могло привести незнакомца к такому состоянию.

– Тебе помощь нужна? – перефразировал я.

– А, н-нет. – неуверенно ответил парень и вдруг совершенно изменился. Во взгляде появились нахальность и уверенность, а его движения перестали быть хаотично-нервными. К нему будто вернулось сознание.

– Иди к чёрту! – с неожиданной злостью крикнул незнакомец и, достав из кармана куртки сигарету, пошёл куда-то прочь.

«Вот придурок» – констатировал про себя я. – «Лишь бы только не помер по дороге».

Мне малодушно подумалось, что незнакомец чем-то походил на меня. Может быть, чувством потерянности. «Нет, хватит думать об этом. Всё у тебя нормально» – приказал я сам себе и побрёл дальше по снежной дороге. Силы окончательно закончились.

«Плохой идеей было приехать сюда». – понял я. – «Здесь всё точно также, как и дома. Всё такое же серое и невзрачное.

«Ну а чего ты хотел?» – спросил я сам у себя, петляя в снежных туннелях. – «Думал, будет по-другому? Жизнь нигде не меняется».

Не знаю, сколько я шёл, занимаясь самобичеванием, но в конце концов упёрся в свою парадную. Поднявшись по грязной лестнице, открыл квартиру, раздражённо кинул опротивевший пакет с покупками на пол, вещи в сушилку, а сам завалился на кровать и пролежал на ней около часа. Заснуть не получилось.

Лёжа, я ни о чём не думал – лучше так, чем гонять по кругу одни и те же дурацкие мысли. Просто смотрел в потолок, прислушиваясь к тишине за окном. Хорошо, спокойно и пусто.

Потом я читал книгу, смотрел единственное, что можно

смотреть по телевизору – тупые мультфильмы для младенцев, опять читал книгу и снова лежал до позднего вечера. Делать было больше нечего. Да и не хотелось. Социальные сети я все отключил, а в интернет не лез – всё равно там нет ничего хорошего.

В девять часов я всё же решил поесть. Не то чтобы хотелось – но умереть с голоду было бы совсем глупо.

По тёмному коридору я пробрался на кухню и включил лампочку – вся комната озарилась тревожным жёлтым светом. Здесь были маленький кухонный гарнитур, холодильник и стол на четырёх человек. Я поставил греться пафосный стеклянный чайник с подсветкой и только тогда вспомнил, что оставил продукты в коридоре. Пришлось сходить и забрать их оттуда.

Пару секунд я озадаченно крутил молоко в руках. Зачем я купил его? Дрянь ведь редкостная. Убрав белую бутылку подальше в холодильник, я вскрыл пачку куриной лапши, высыпал в неё специи и залил всё только что согревшейся водой. Потянулся искусственный мясной запах, от которого сразу же затошнило.

На одной из полок кухонного гарнитура нашёлся старый чай. Я закинул пакетик в кипяток и стал ждать, щёлкая пластиковой вилкой из набора лапши и абсолютно ни о чём не думая.

Где-то в глубине квартиры что-то громко упало со звуком, похожим на стук в стену. Я вздрогнул и повернулся к лап-

ше. Что это был за звук меня мало интересовало – в домах постоянно что-то падает и булькает. Бабушка говорила, что это домовые. Я в детстве верил, что это монстры. «Сейчас я знаю, что это просто окна и мебель». – вырвался у меня произвольный грустный смешок.

Лапша разварилась. Накрутив её на вилку, я отправил первую порцию в рот. Одна соль и усилители вкуса. Раньше я ел лапшу только по праздникам, но уже полгода постоянно – такая практика здорово скрашивала серые будни. Но в последнее время и это превратилось в рутину. Ничего не поделаешь – другая еда была ещё хуже.

Чай на кус оказался выветрившимся и пыльным. Но разве могло быть по-другому?

Доев лапшу, я выкинул пустую коробку в мусорку и оставил невымытую чашку на столе – всё равно завтра из неё пить. Закончив нехитрую уборку, впервые за последние пару дней пошёл мыться.

Я стоял в ванной и разглядывал своё худощавое тело в большом зеркале. Да уж, за всё время мышцы накачать так и не удалось. Зато я хоть нормального роста и не выгляжу жердью.

Да и с лицом повезло – не урод. Вроде правильные черты. Не смазливый и прыщей с подросткового возраста не осталось.

Надо было побриться – уже третий день ходил как бомж. Борода у меня никогда не росла нормально – всё время ка-

кой-то невнятной русой щёткой. И подстричься бы не помешало. Хотя месяц ещё походить было можно, пока волосы уши бы не закрыли.

Не знаю, что поделаться с синяками под глазами. Всю жизнь они со мной. А ведь жизнь у меня была хорошей, это я себя накручивал. До недавнего времени даже спал хорошо. Но и тогда под глазами красовались синие пятна. Мама всегда говорила, что меньше перед компьютером сидеть нужно. А как, если у меня работа на этом завязана?

Я уселся на тёплый кафельный пол и прислонился к зеркалу. Что-то всё было не то. Всё совершенно серое. Серые дни, серая еда, серые люди. Какой-то надрыв в груди. Это ненормально, так и до депрессии дойти можно. А у меня всё слишком хорошо для депрессии.

Я встал, твёрдо решив противостоять собственному нытью, и закрылся в душевой кабине. Горячая вода потекла по спине, успокаивая кожу. Я упёрся головой в дверь кабины и стоял так минут десять. Шампунь нашёлся на ванной полочке. Пах он чем-то больнично-цветочным.

Помывшись, я вышел из ванной и отправился в спальню, решив побриться завтра. Улёгшись на кровати и наконец открыв для себя, что, оказывается, бельё на ней раздражающего тёмно-синего цвета, мгновенно заснул.

* * *

Музыка. Рейв. Я разлепил глаза: «Неймётся же кому-то по ночам». Я оделся и вышел на лестничную клетку посмотреть, откуда играло.

На лестнице тускло светил фонарь. И кто придумал освещать парадные таким жутким белым светом? Медленно, прислушиваясь к каждому стороннему звуку, я пошёл наверх, стараясь не заглядывать в большие чёрные окна между этажами.

Рейв играл не с четвёртого этажа, а с пятого, последнего, того, на котором жила Людмила Игнатовна. Подниматься туда мне совершенно не хотелось – кто его знает, может, там люди из «Горяночки», поэтому я стал спускаться обратно, думая о потомственных ведьмах. С них станется устроить шабаш в собственной квартире.

Между четвёртым и третьим этажом я остановился и заглянул в окно – а то действительно стал каким-то параноиком.

Дорога на улице была совершенно пуста. «Куда, интересно, жители девают свои машины?» – вяло подумал я и поднял взгляд. Горы вдали казались огромными пятнами на тёмно-синем небе, под которыми горели огни хрущёвок. Красиво. Действительно красиво. Жаль, меня не было в этой красоте.

На плечи в который раз навалилась тоска. Я вернулся в свою квартиру и, несмотря на шум сверху, сразу же провалился в глубокий сон. Мне снились тёмные вечные горы.

Глава 3. Смерть и белый кролик

За окном летали хлопья снега. Я, наконец-то чисто выбритый, сидел и пил чай на кухне. Рядом стояла очередная коробка из-под лапши.

«Нельзя мне тут сидеть» – подумал я. – «Хотя бы раз в день нужно выходить на улицу. Хотя бы на полчаса – развеяться. А то чёрт его знает, до чего могу докатиться».

Я продолжал пялиться в снежную завесу за окном, пытаюсь собраться с силами. По прогнозу ненастная погода должна была бушевать целый день. «Нет, надо идти» – я решительно встал и, пока не передумал, быстро натянул на себя всё то, что продала мне вчера жуткая продавщица.

На лестнице было свежо, спокойно и пусто. Я немного постоял, перекатываясь с пяток на носки и как бы пробуя пыльный воздух на вкус. Старая бетонная лестница казалась порогом в иной мир, и у меня ещё была возможность повернуть назад.

Наверху что-то, в точности как вчера, отвратительно рухнуло, и мнимое спокойствие моментально разрушилось. Чёртовы парадные опять обманули меня своей кажущейся безмятежностью. Я понёсся вниз. Возвращаться в квартиру было бы совсем по-идиотски – со своими страхами нужно бороться, а не потакать им. Тем более, с дурацкими страхами.

Железная дверь с шумом распахнулась, и я вылетел на улицу. Около домофона стояла закутанная по самый нос старушка. При виде меня она испуганно отшатнулась. Мне стало жутко стыдно. Притворившись, будто ничего не случилось, я, по-моему, слишком развязно, пошёл сквозь снежную пелену, стараясь поскорее скрыться от старушки.

«Какой же ты идиот» – ругал себя я. – «Ведёшь себя как ребёнок. Парадных, вон, боишься. Поэтому в жизни ничего и не ладится. Нет, хватит» – тут я не выдержал и попытался успокоиться. – «Хватит себя накручивать. Донакручивался уже до того, что сюда сбежал».

Ледяной ветер больно лизал лицо. Я старался ни о чём не думать и просто шёл, куда глаза глядят. Точнее, куда ноги несут, потому что глаза сквозь пургу почти ничего не видели.

Собака. Чёртова собака снова лежала на мусорных баках. Летящий во все стороны снег будто избегал её, в панике уносился подальше. Я почувствовал, что не могу пошевелиться под буравящим взглядом маленьких жёлтых угольков, горящих посреди грязной пёсьей морды. Эта собака точно была бешеной. Нормальная бы уже давно забилась в какой-нибудь подвал, а не лежала на мусорках, откуда её в любой момент может снести очередной порыв ветра. «А ведь ты обещал себе быть внимательнее» – упрекнул себя я и, собрав все силы, зажмурился, прогоняя наваждение, а когда снова открыл глаза, стал потихоньку обходить сугроб, стараясь избежать гипнотического взгляда чёрной морды. Наверное, соба-

ка поворачивала голову вслед за мной, пытаюсь поймать обратно в свою ловушку. Обойдя наконец небольшой сугроб, показавшийся мне целой горой, я сбежал по скользкой лестнице и оказался около «Fix Price». Жуткий пёс остался позади.

«Вот бы эту псину служба какая-нибудь забрала» – подумал я и вспомнил своего толстого кота, с которым таких проблем никогда не было. Всё же кошки гораздо лучше собак.

Сквозь метель проглядывала знакомая развилка. Идти прямо – к уже исследованному озеру, мне не хотелось, поэтому я решил испытать удачу и повернуть направо.

Минут через десять блужданий по снежным коридорам и размышлений о бешеных животных, я вышел к маленькой овальной площади, которую сильно портило современное здание в стиле дешёвого хай-тека, или, если говорить по-простому, – огромный белый куб с чёрными окнами. На кубе гордо светилась говорящая надпись «Музей «Циркпром»». Сквозь большие затонированные окна нельзя было разглядеть, что выставляется в музее, но по названию в принципе всё было понятно. Какие же у музея, наверное, были теплопотери. Кто вообще придумал строить такое здание в горах? Наверное, очередные чиновники, решившие сделать «как в Москве».

Я отвернулся от этого архитектурного безобразия и сразу за музеем заметил маленькую, тепло светящуюся пекарню, расположившуюся в ярко-красной нарядной сталинке.

Недолго думая, направился туда.

Внутри уютно отделанного деревом помещения одуряюще пахло хлебом, сахаром и кофе. За круглыми деревянными столиками сидели яркие горнолыжники и, что удивительно, куча каких-то детей. Может быть, конечно, у них школу отменили или праздновали что-то, но всё равно это было странно. Я ностальгически хмыкнул, вспомнив свои школьные прогулы, прошёл к стойке с кассой и пирожными, и заказал себе самый большой стакан «капучино». Сладкого мне совсем не хотелось, а вот кофе... Кофе давно стал для меня наркотиком.

Забрав свой заказ, я сел за круглый деревянный столик в самом углу и откинулся на спинку маленького красного диванчика. За окном бушевала выюга и завывал ветер, а в пекарне было по-домашнему тепло. Хоть одно нормальное заведение в городе. Я почувствовал, что засыпаю и пригубил кофе.

– Не помешаю?

Напротив меня нагло сел парень в длинном зимнем пальто, из-под которого выглядывал официальный чёрный костюм. На голове у незнакомца красовалась федора. Парень был красив – нереально красив, точнее сказать. Аж завидно. На вид он был всего на пару лет старше меня. Хотя, может, лет на пять, а то и на десять – чем больше я в него вглядывался, тем сложнее мне было сказать. У незнакомца были правильные черты лица, прямой нос и короткие чёрные

волосы. Чем-то он напоминал киношных гангстеров тридцатых годов. Но самое главное – у него были совершенно белые радужки. В общем, тот ещё позёр, каких скорее ожидаешь встретить в центре Петербурга, а не Бонч-Бруевича.

– Так я не помешаю? – повторил вопрос незнакомец, отпивая из стаканчика для «эспрессо».

– Нет, я уже ухожу. – подчёркнуто недовольно ответил я и поскорее встал из-за стола, не желая знакомиться с этим типом.

– Уверен? Убийца – муж Евы. – остановил меня сосед.

– Чего? – не понял я.

– Это разгадка того бреда, что ты читаешь. Удивительно, за последние сто пятьдесят лет в жанре детектива появилось столько всего нового, а люди до сих пор увлекается подобным.

Я поражённо остановился. И не из-за разгадки книги, которая меня вообще не интересовала.

– Ты откуда это знаешь?

– Так, иногда подсматривал за тобой. – усмехнулся незнакомец.

Я вдруг понял, что у парня совершенно холодные острые глаза. Как у настоящих гангстеров, а не актёров. В пекарне резко стало неуютно.

– Ты кто? – спросил я нервно.

– Маньяк из Техаса. – засмеялся незнакомец и тут же совершенно серьёзно сказал. – Шучу. Я – Смерть.

– Немногим лучше. – протянул я, пытаюсь воспринимать всё происходящее за шутку.

– На самом деле гораздо хуже. А вот ты кто? – спросил Смерть, ни на секунду не отрывая от меня своего жуткого взгляда.

– А ты не знаешь? Ты же следил за мной, нет? – грубо ответил я.

– Нет, я подсматривал. – ответил Смерть, отпивая кофе.

– И в чём отличие? Ты ведь знаешь, кто я, так?

– Знаю. Ты – Егор Платонов. Но обычно, когда я сразу начинаю называть людей по именам, они пугаются и начинают трястись от страха, поэтому предпочитаю вежливо спрашивать.

Вот тут я окончательно понял, что Смерть не играет. Он действительно мог прострелить мне голову. И он действительно следил за мной. Это было какое-то наитие, наверное, похожее чутьё травоядных, когда на них в засаде смотрит хищник. Я решил вызвать полицию. Чёрт его знает, кто этот парень – маньяк, или, быть может, всё-таки просто показушник, но хорошего от него ждать в любом случае не стоило.

– Первое впечатление бывает обманчиво. – будто в ответ на мои мысли сказал Смерть и тут же усмехнулся. – Хотя я с этим категорически не согласен. Не знаю, какой дурак такое выдумал.

– Я вызову полицию, знаешь ли. – пригрозил я.

– De grâse. – милостиво махнул рукой Смерть. – Жаль,

что мне не светит смертной казни.

– Почему? – глупо спросил я, сбитый с толку дурацкой фразой.

– Ну потому что у вас тут на неё мораторий. – ответил Смерть. – Смешное слово, не так ли? Если что, можно всегда сделать шаг назад. Так ты звонишь в полицию?

Я отчего-то медлил, хотя мозг и говорил срочно окликнуть кассиршу или кого-нибудь из гостей. Наверное, у меня сработала интуиция, почувствовавшая, что ни полиция, ни кто-либо ещё тут не поможет, да и что Смерть – совсем не простой человек.

– Зачем я тебе нужен? – устало спросил я, надеясь, что Смерть всё-таки просто позёр.

– Ты довольно интересный экземпляр. – пожал плечами Смерть. – Третий день в городе – а уже столько всего приметил, в отличие от остальных туристов. За тобой довольно занимательно наблюдать.

– Ты о чём? Что я приметил?

– Странности города. – туманно пояснил Смерть и вдруг встал с диванчика. – Well, я рад, что мы здесь встретились. Возможно, ты действительно сможешь помочь мне в одном деле, так что ещё свидимся.

Я машинально кивнул и тут же проклял себя за это. Нечего вообще связываться с этим типом и чем-то ему помогать.

– Отлично. Советую меньше ходить под скалами, а не то завалит. – улыбнулся Смерть и вышел из пекарни.

Я взглядом проводил его до дверей и пообещал себе, что больше в этом городе ни с кем общаться не буду. Тем более, Смерть однозначно намекал на сектантов – кого ещё я тут мог заметить? «Либо у меня паранойя, либо мои опасения подтверждаются». – мрачно подумал я, рассматривая недопитый кофе.

Приближалось время обеда. В пекарне значительно прибавилось народу. Некоторые люди уже недовольно косились на мой полупустой стакан, выжидая, когда же я наконец уйду и освобожу место вслед за «товарищем». Спустя десять минут они меня окончательно выбесили. Я одним глотком допил свой «капучино» и вышел из пекарни, надеясь, что Смерть не караулит меня у дверей.

На улице всё так же мёл снег. Возле дверей никого не было. Я облегчённо выдохнул и пошёл к своей квартире. Хватит – нагулялся на сегодня. И на завтра, похоже, тоже.

«Интересно, чего я ожидал?» – думал я, борясь с несущимся на меня снегом. – «Здесь ведь всё ещё хуже. Сначала собака, потом сектанты, а теперь вот Смерть». Я почувствовал непонятную детскую обиду на Бонч-Бруевич. Всё должно было быть по-другому. Когда я вот так вот ни с того ни с сего сорвался сюда, мне казалось, что здесь всё будет иначе. Всем же так кажется? «Не кажется, ведь все остальные – не идиоты» – усмехнулся я.

И вдруг несущийся снег остановился. Будто на секунду встал на паузу, а потом медленно стал опадать вниз.

«Что за?» – подумал я и чёрные мысли отошли на второй план. Мне приходилось слышать о подобных явлениях природы, но вот видеть – никогда. На равнине настолько резких перепадов не случается, даже в непостоянном Петербурге.

Но это успокаивало. Мягкие белые хлопья медленно опускались на землю, ласкали щёки, губы и нос. Я шёл по дороге, глядя в огромное серое небо, а снег убаюкивал испуганную после метели землю.

У самого дома я снова увидел вчерашнего психа. Тот равнодушно, но внимательно смотрел на меня сквозь снежную пелену. Будто мертвец. Я остановился и стал чего-то ждать, но парень просто отвернулся и пошёл прочь. «Да ну и к чёрту его и этот город» – решил я. – «Надо перестать тупить и возвращаться». Но я знал, что не сделаю этого – слишком уж жалко было уплаченных за квартиру денег. На душе стало совсем погано.

Дома я не стал есть – кофе дал достаточно калорий на весь оставшийся день. Вместо этого я заварил себе чаю, завалился вместе с чашкой и книгой на кровать. На зло Смерти я решил продолжить читать, даже зная концовку итак неинтересной книги. Но не прочтя и десятка страниц не заметил, как заснул. Не помню, что мне снилось – может быть, вообще ничего.

* * *

Когда я проснулся, стояла глубокая ночь. Голова была ватной. Я неохотно сел на кровати и решил снова заварить себе чаю. Часы показывали два часа ночи. Я встал и по привычке выглянул в окно.

Соседняя хрущёвка угрюмо смотрела на меня чёрными стёклами окон. А над ней... Прямо над ней светилось северное сияние.

Я, непонятно откуда взяв в себе силы и желание, словно замороженный, ринулся в коридор, накинул куртку и, не обращая на внимания на жуткую парадную, выбежал на улицу.

Сияние было не таким, как на фотографиях. Приходилось вглядываться, чтобы вообще увидеть зелёные пятна и полосы, время от времени становящиеся красными. Но несмотря на блёклость, сияние было прекрасно. Удивительно, что небо вот так, вдруг, может стать чем-то совершенно иным, каким-то тёмным живым морем. И что самое главное, никто этого не увидит. Люди пройдут мимо, не обратив внимания на мутные пятна, а даже если и заметят их, то разочарованно вздохнут и пойдут дальше. А небо будет волноваться, мерцать, переливаться и плясать только ему известный танец.

Я благоговейно вдохнул морозного воздуха, любуясь явленным мне чудом. Всё же и в Бонч-Бруевиче есть нечто прекрасное.

Со стороны леска возле хрущёвки слышался шорох. Я оторвался от сияния и недоумённо оглянулся, думая, что же это могло быть.

Возле двери моей парадной, словно призрак, неподвижно сидел белый заяц. С минуту мы смотрели друг другу в глаза. Мне показалось, что зверь насмехается на мной. Вдруг он отвернулся и понёсся вниз, в город. Я побежал за ним.

Не знаю, что творилось у меня голове. Я выбежал на проспект, думая лишь о том, как бы не упустить зайца, улепётывающего на велосипедной скорости. Какая-то дикая сила будто гнала меня за зверем прямо по пустой автомобильной дороге, через слабо освещённые районы, мимо бесконечных хрущёвок и сугробов. Я вовсе не думал, что может случиться, если вдруг вырулит машина. Я вообще тогда ни о чём не думал. Последнее, что помню – как заяц выбежал на какое-то поле, а я – за ним. Под ногами что-то треснуло, и всё тело обожгла ледяная вода. После меня поглотила тьма.